

PHIL

RAKON

Ольга
Столповская

НЕ НАВИЖУ
• ЭТУ
СУЧКУ

Москва
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С81

Художественное оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Виктории Поповой

Столповская, Ольга Борисовна.

С81 Ненавижу эту сучку / Ольга Столповская. —
Москва : Эксмо, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-096906-7

Это книга о свободе. О людях, самостоятельно формирующих свои ценности вопреки тому, нравятся они кому-то или нет. Это книга о современной женщине, не желающей быть подстилкой для мужчин.

Ольга Столповская, режиссер и писатель

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Козлова А., предисловие, 2018
© Столповская О., текст, 2018
© Пустовая В., послесловие, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096906-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много книг приходится читать, но далеко не обо всех хочется не то что писать, а даже просто говорить. Роман Ольги Столповской я прочитала, пользуясь новой терминологией в литературоведении, «на одном дыхании», «не отрываюсь», «за одну ночь». Я совершенно не иронизирую, впервые за долгие годы у меня в руках оказалась книга русского автора, которую мне страстно захотелось взять в кровать. Поскольку сравнение напрашивается, я продолжу его. Книжки похожи на мужчин, если ты женщина, и на женщин, если ты мужчина (я отдаю себе отчет, что обижаю этой фразой сексуальные меньшинства, но просто вариантов очень много, а перечислить все я себе задачу не ставлю).

В каком-то смысле чтение — это свидание вслепую. Ты судишь лишь по обложке, может быть, по паре эффектных фраз, но никогда до-

подлинно не знаешь, что там внутри. Одни книги доканывают тебя занудным многословием, другие — грубостью, третьи — обозленным на весь мир бормотанием, и мы все отлично знаем, какая это редкость — просто познакомиться с классным парнем. Проговорить с ним всю ночь, а на следующий день, проснувшись к обеду, бродить по дому с задумчивой улыбкой и вспоминать ваш разговор. И эти воспоминания совсем не обязательно про любовь (которая будет, а может, и нет), это про духовную близость, про совпадение интересов, про то, что в этом мире есть, по крайней мере, один человек, который думает так же, как ты.

Ольга Столповская написала прекрасную книгу, в которой есть живые люди, с понятными и близкими всем нам проблемами, с юмором, с радостью жизни и болью, которую эта жизнь причиняет. Но вместе с этим в книге есть и некое иное измерение, то самое «послевкусие», которое заставляет мысленно возвращаться к ней, думать о героях и представлять себя на их месте.

Как бы наивно это ни звучало, в этой книге очень много любви, а настоящая любовь всегда тактична и бережна, как и настоящая неж-

ность, о которой имевшая в этом вопросе вкус Анна Ахматова написала «она тиха», и думаю, ей стоит верить.

Настоящий писатель отличается от графомана именно этим качеством — умением любить тихо. Умением молчать, когда нечего сказать. Огромное количество книг в нашем мире существует только потому, что их авторы были лишены названных выше качеств, но книга Ольги Столповской не входит в их число. Она была написана по одной-единственной и единственно возможной причине — потому, что не написать ее было нельзя.

Теперь, наверное, следовало бы пожелать удачи будущим читателям, но я этого делать не буду. Если вы держите в руках эту книжку, вам уже крупно повезло. Скорее всего, у вас есть мозги, но вдобавок вы еще и обладаете хорошим вкусом, чтобы отличать хорошую литературу от плохой. Зачем вам мои пожелания удачи, она у вас и так есть.

Анна Козлова

Вопрос, который ставит искусство: зачем человек?

Эрик Булатов

В тот день я сделала открытие — мужская одежда гораздо удобнее. Бывают дни, которые проходят незаметной тенью, а бывают такие, которые врезаются в память на всю жизнь и в любой момент воскресают во всей красе, в подробности деталей, слов и даже запахов.

В тот день на мне болталась футболка парня, у которого я ночевала. На работе принято каждый день надевать что-то новое. Женщины должны делать неброский маникюр и носить колготки телесного цвета, мужчины — гладко бриться. Если будете являться два дня подряд в одном и том же, карьера пойдет прахом. Человек, не меняющий одежду, не ночует дома, а значит, он не высыпается, может быть, даже не моется. Важно менять хотя бы шейный платок, дабы продемонстрировать стремление к профессиональному росту.

Пристрастие мужа к выращиванию дури не помогло сохранить семейный очаг. Мой брак был ранний, предпринятый в надежде защититься от мужского внимания, превращающего прекрасную юную жизнь в бесконечный каскад неловких ситуаций. Биология превращает людей в оленей, сшибающихся рогами. Но даже кольцо на пальце не спасало от голодного интереса мужчин. Олени настойчиво заглядывали мне в глаза. За мужество оказалось бесполезным и обременительным. Один плюс — моя прекрасная дочь. Машка.

Сначала все было так: по утрам я варила кастрюлю картошки и убегала учиться. А вечером обнаруживала гору грязной посуды. Дурь зеленела на подоконниках, в квартире толклись привлеченные ею поэты и прочие едоки картофеля.

Муж размещал в альбомах томные черно-белые фотографии подруг. Свекровь привозила ворохи застиранных ползунков и как-то проболталась, что, оказывается, «есть уже у нее внученька» — дитя давнего мимолетного романа мужа с одной из черно-белых муз. И вот удача — от одной девочки к другой переходят вещички.

А я и не знала про его другую дочь.

Мы учились на режиссерском, нам обоим требовалось снимать задания. Деньги, подаренные на свадьбу, пошли на покупку камеры. Но снимала в итоге я. Перед сессией муж перекраивал мое видео и выдавал за свое. Начало переставлял в конец, конец в начало, запускал задом наперед и вверх ногами в ускоренном режиме. Вскоре учеба ему надоела, и он выменял камеру на удобрения для дури.

А я от него ушла.

Жить на диванчике в монтажной было гораздо удобнее.

Один день я поработала няней. Неделю разносила газеты, месяц таскала подносы в ресторане. В свободное время сняла видео про радость влагалища, избавившегося от супружеского секса.

Удивительно, но фильм помог мне найти приличную работу — предстояло делать рекламные ролики американских сериалов. Это было весьма кстати: Машкины подготовка к школе, кружок рисования, гимнастики и самбо требовали гигантских расходов.

Телеканал, на который я устроилась, занимал три верхних этажа бывшего советского НИИ. Эта башня с пришипленной легкомысленной шляпкой спутниковой антенны воз-

вышалась над вечной стройкой, и служащим в колготках телесного цвета приходилось пробираться на работу между вагончиками строителей, перешагивая через волны вздыбленной «КамАЗами» глины.

Подъем на лифте был путешествием во времени. Двери открывались на разных этажах, и можно было видеть лотки, торгующие косметикой и одеждой, холлы, забытые аппаратурой и мебелью семидесятых годов, груды красных кресел из залов заседаний. Кое-где еще сохранились древние ученые, а на самом верху, среди прозрачных стен и серого ковролина, царствовали работники телевидения. В обеденные перерывы они спускались вниз обновить неброский маникюр и закупиться новыми шейными платками.

Моя настоящая жизнь начиналась после того, как, вернувшись с работы, я проверяла домашнее задание дочери и читала ей сказку на ночь. Немногие свободные от воспитания часы я проводила на ночных киносеансах, сожалея, что музеи, галереи и театры не работают круглосуточно.

Однако, хотим мы это замечать или нет, все составные части нашего мира пребывают в постоянном движении, ничто не стоит на месте. Все медленно, но верно изменяется. На верх-

ние этажи башни неумолимо надвигалась тень экономического кризиса, а с ним и сокращение штата. Атмосфера тонущего корабля витала над ковровым полом. Я подозревала, что меня, скорее всего, уволят или предложат работать за деньги, которых нам с дочерью не будет хватать даже на билеты в кино.

Тысячей бумажных журавликов я рассылала резюме по сайтам вакансий. Но на то и кризис, что спасательных шлюпок не хватает на всех.

Сотрудники втихаря выносили кто монтажное оборудование, кто вазу с логотипом компании из переговорной. Я, поддавшись настроению, приглядывала, что бы хапнуть, но ничего стоящего на глаза не попадалось. Все уже растащили.

В тот день продюсер вошел в нашу комнату, разговаривая по-английски с незнакомой мне девушкой. Я мельком зафиксировала белую рубашку, вальжный изгиб, глаза, сверкающие очками. Пышные губы и плавные движения делали ее похожей на рыбу-телескоп. Все переглядывались: «Что это за фря?» Не слишком вслушиваясь в разговор, я оценила бойкость и напор, с которым девушка вдохновляла продюсера. Слова укладывались цветными

кирпичиками плотно, без зазоров, как в тетрисе. Не делая пауз, она переходила с английского на русский и обратно. Подарила собственную книгу, изданную в Австралии.

В тот день ее приняли на работу в наш аквариум, ведь она читала журнал «Hello!» и видела известные телешоу, а значит, знала, как устроено телевидение. Поговаривали, что она знакома с кем-то из руководства. Ее втиснули в мой угол, поставив еще один стол, а меня развернули лицом к стене. Это помогало не видеть сочувствующие взгляды коллег.

Оскалившись правильной улыбкой, она протянула руку:

— Я могу спросить вопрос?

И вот я уже показываю, где у нас курят, где брать кофе, как заказывать обед, где найти нашего лучшего айтишника.

С той минуты, как она «спросила у меня свой первый вопрос», рот у нее не закрывался. В первый час знакомства она рассказала мне буквально все, что знала. О правильном питании, о гороскопах, об австралийских аборигенах. Она смешно растягивала слова:

— А ты зна-аешь, что австралийские aborigines, don't recognize the existence of time? Как это сказать по-русски?

(Она родилась в Москве. Ее родители эмигрировали, когда ей было девять. С тех пор она жила в Австралии. Русские и английские слова тянули ее в разные стороны, соперничая за ее душу.)

— Не признают существование времени? — Я не сильна в английском, но это я поняла.

— Зато у них бывает «work about», когда они бросают все и уходят... — Она замахала рукой, подыскивая нужное слово. — Уходят...

— Уходят куда глаза глядят?

— Абсолютли! Кстати, меня зовут Алекс!

Зазвонил телефон.

Помедлив, я сняла трубку. Мне велели зайти к продюсеру.

Когда все летит в тартарары, надо думать о хорошем. На ватных ногах я шла по коридору и старалась представить зеленые холмы под голубым небом, но все сильнее ощущала, что проваливаюсь в черную слякоть. Надо загипнотизировать продюсера, внушить ему мысль не трогать меня.

Остановившись перед дверью кабинета, я закрыла глаза, тщетно разыскивая в себе скрытые экстрасенсорные способности.

Нет ни плохих событий, ни хороших, есть только разные трактовки. И время. Время, меняющее плюс на минус и обратно. Внутрен-

ним взором я увидела, как люди собирают самолет, проводят испытание двигателей, и вот механизм заработал, блестящее на солнце насекомое, отделившись от слякоти, вспорхнуло. Я увидела мир фасеточными глазами табло, и он был движущейся мозаикой, хитрой игрой, где нет ни врагов, ни друзей, ведь однажды все меняются ролями. Мертвое становится живым, живое мертвым. Все едино. И потому следует относиться к временному противнику с любовью и уважением, как к лучшему другу. У самолета нет чувств, есть только маршрут. И мои чувства почти исчезли, без них стало легче. Без них реальность сквозила прохладной нейтральностью и металлическим привкусом.

Меня кто-то потрогал за плечо.

— С тобой все в порядке? — спросил звуковик.

У нашего звукорежиссера в аппаратной висят фотографии: он с Горбачевым, с Ельциным, с Путиным, с Гельмутом Колем, с Герхардом Шрёдером. Он лучший специалист по записи речей. И по прослушке. С тех пор как начались увольнения, он стал приходить на работу в военном кителе, даже фуражку надевал. Род войск и звание я определить не смогла.

— Порядок. — Я постучала в дверь. И скромно просквозила в кабинет.